

*Необыкновенный
пазл*

Филипп

Хорват

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Филипп Хорват

Необыкновенный пазл

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Хорват Ф. А.

Необыкновенный пазл / Ф. А. Хорват — «ЛитРес: Самиздат», 2018

«Необыкновенный пазл» — это собранные в небольшой сборник тексты, написанные за последний год. Тексты совершенно разные: мини-роман «Искандер и Горемыка» рассказывает о необыкновенной дружбе человека и единорога; рассказы повествуют о совершенно разных человеческих судьбах, и даже сквозь канву, на первый взгляд, фантастических историй прорывается нечто такое, что будет актуально для нас, обычных людей, всегда. В оформлении обложки использован рисунок, автор которого разрешил свободное использование, переработку и распространение иллюстрации. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Необыкновенный пазл	5
Искандер и Горемыка	7
В Староголубово	7
Конармия	12
Уговор	15
Летние дни	18
Цирк на сельском майданчике	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Необыкновенный пазл

(совершенно необходимое интро)

Это было давно, лет пятнадцать назад, когда я, молодой, едва оперившийся балбес, сидел на остановке общественного транспорта с бутылкой дешёвого челябинского пива.

Жизнь неслась навстречу, поддуваемая пьянящим ранне-мартовским ветром, а я кайфовал, перебирая в памяти и дикую нашу студенческую вечеринку, добросившую меня в результате зачем-то до остановки, и ненасытные, захлёбывающиеся поцелуями губы какой-то всю ночь елозящей сверху Аньки, и... да много чего ещё крутилось тогда в голове из быстро исчезающего.

На коленях притулилась разноцветная коробочка китайского пазла, и я до сих пор помню кислотные, с типографскими потёками кривые буквы его названия – Gonzo-Puzzle. Как это гонзо попало ко мне было непонятно; кажется, его прихватил из общаги Виталик, передав на время вынужденной своей отлучки в сортир Лёхе, а Лёха, тут же потеряв Виталика, подхватил Ольгу, которая, увлекая Лёху в греховные общажные недра обратно, всучила коробку мне. Но всё это неточно, возможно, сейчас, вспоминая, я всего лишь сплёл в клубок несколько то ли случившихся когда-то с кем-то историй, то ли не случившихся, – неважно.

Важным было то, что именно на этот Gonzo-Puzzle обратил внимание подсевший на лавочку остановки subtilный гражданин в очках с поломанной дужкой. Шея сияющего несчастной интеллигентностью субъекта утопала в мареве ярко-лилового шарфа, хлястик пальто в отчаянии загребал грязную воду из лужи, и чувствовалось в нём сила той абсолютной неуверенности, которая ежедневно била человека об острые, грубые, неприятные углы приземлённого бытия.

Я сочувственно вздохнул и пригубил из бутылки, а он спросил:

– Вы знаете, молодой человек, что у вас на коленях?

– Пазл? – хмыкнул я с дерзким, но простительным для глупой юности презрением.

Человек в шарфе как-то враз подобрался, чуть приткнулся в мою сторону и почему-то понизил голос:

– Не просто пазл, а гонзо-пазл.

– Ну и?

– Неужели не понимаете?

Я мрачно, безо всякого ответа, снова хлебнул.

– Это же необыкновенный пазл! А необыкновенность в чём? Вот из его кусочков можно собирать совершенно разные картинки. Вроде бы такого не бывает, это нарушение законов симметрии и физики, но уж поверьте мне – так работает гонзо-пазл. Один раз вы из его элементов собираете, допустим, натюрморт, в другой раз – пейзаж, в третий, положим, эротическое панно, а в четвёртый, страшно сказать...

Что там крылось за этим «страшно сказать», я так и не узнал, – человек сник и погрузнел. Я тогда, кажется, ему нахамил в ответ чем-то вроде такого:

– Врёте вы всё, папаша, не бывает необыкновенных пазлов.

Но он не ответил, вяло отмахнувшись безвольной ладошкой с длинными, грязными ногтями на пальцах.

Я ещё немного похлебал из осточертевшей уже бутылки, и видя подгребающую по слякоти к остановке громаду троллейбуса, великодушно предложил:

– Хотите, оставлю вам этот козло-пазл? Мне ни к чему, я их всё равно не собираю, а вы там уж сами разбирайтесь со всякими разными картинками.

И завидя в его глазах брызнувшую чем-то наивно-детским радость, я торжественно вручил коробку этому осколку несуразной человеческой безнадёжности, а сам тут же прыгнул в туловище довольно урчащего троллейбуса.

К чему я решился описать тот, пятнадцатилетней давности, случай? Он вспомнился ведь неожиданно, в момент, когда я, раздумывая над общим названием для собранных в сборник текстов, мучился в бессонной ночи – что, что их всех объединяет?

А вот же оно, ответ на поверхности – тот, так мной и неизведанный необыкновенный пазл. Многое из написанного за последний год и есть эта самая коробочка с кривыми, уродливыми буквами Gonzo-Puzzle. Картонные элементы с трудом подбираемых и присоединяемых друг к другу слов составляют разные картинки рассказов, повестей и даже романов. Но я до сих пор как будто ещё и не открыл эту коробку по-настоящему, полностью, до конца. И уж тем более и близко пока не выложил из них чего-то такого огромного, безумно красивого, ослепляющего, что смогло бы, страшно сказать...

Хотя, уже одно то, что я сейчас решился и не отставил в сторону (как когда-то тогда) коробку с необыкновенными, рождающимися в голове пазлами, – уже одно это вроде бы радует. Заряжает оптимизмом.

А соберу ли рано или поздно чего-нибудь стоящее из слов и предложений – покажет время.

Искандер и Горемыка

В Староголубово

Усталый путник шёл украинской, изгибающейся змеёй от села Конаково до Тетищево, до Развозово, до Мукомолова и далее, дорогой, и шёл уже очень долго. Неделю шёл, притом не один, а ведя за собой на скорбной, худосочной верёвочке разноцветного единорога.

Горемыкой звали этого единорога, и своё наименование он полностью оправдывал. Поскольку ничего кроме горя ни себе, ни хозяину в этой жизни он не нёс. Такова судьба у него была, а он судьбу полностью, всецело ощущал, везя её на своём крупу как-то даже иногда горделиво, по-особенному, с определённой ответственностью. Будто говоря всему миру вокруг: «А что я? Я ничего. Я такой. Родился и вырос в лаборатории. Воспитывался злыми, жестокими людьми. Кормили плохо, много били, испытания проводили. Так что же вы теперь от меня хотите? Смотрите и принимайте меня таким, каков я есть».

Его хозяин, татарин по имени Искандер, Горемыку воспринимал именно таким, какой он у него был.

Никому не известно было, между прочим, как эти двое и где подружились, связали свои, в общем, несчастные жизни. Точнее, Искандер помнил, но никому подробно не рассказывал, да и не спрашивал ведь никто, кому интересно? Они просто шли по дороге, с мимо проезжающими и навсегда уезжающими, гудящими, библикающими автомобилями, в которых восседал всякий люд.

Надо отметить, что Горемыка таки обладал кое-каким разумом в зачаточном состоянии, умел односложно и иногда невпопад отвечать, даже считать по-простому. Этими дарами наделили гибридное животное люди в той киевской лаборатории имени Мыколы Боборуйко, в которой Горемыка имел несчастье когда-то зародиться. Не исключено, что благодаря своим умениям он и оставался до сих пор в живых: люди, узнав про его фокусы, становились как-то сразу благосклонны, щедры на благодушие.

Искандеру же навыки Горемыки были тоже в плюс. Во-первых, в дороге создавалась иллюзия общения, и даже какой-никакой дружбы. Во-вторых, единорог попросту зарабатывал деньги на пропитание им обоим.

Происходило это обыкновенно так. Вступал с торжественным парадом в какое-нибудь очередное село или городишко Искандер, ведя за собой Горемыку и распевая по всем широким проспектам примерно следующее:

– А вот, хлопцы и бабоньки, десятое чудо света приехало, самый первый в мире говорящий единорог. Радужный красавчик и чудак, каких мир не видывал. Читать умеет до семнадцати, а иногда и до двадцати получается. Вежливый, копытце подаёт. Питается исключительно яблоками и пирогами, запивает яства молоком. Ну не чудо ли единорог? Спешите видеть только один раз в вашем мегаполисе, сегодня вечером на главном майданчике, представление века и на века. Цена билета всего пятьдесят гривен.

Впрочем, врал Искандер про цену билета, поскольку никаких билетов у него, конечно, не было, не распространялось. Как всякий открытый миру, но нищий материально, уповал Искандер только на одну доброту человеческую, склонную к щедрости при лицезнении чудес. Чудо у него имелось, и этого чуда вполне хватало на то, чтобы заработать, – за вечер, бывало, набиралась в бейсболке вполне приличная сумма. Что-то около пятисот гривен, а иногда больше. Если город попадался покрупнее, а народ настроением удалый, то и до восьмьсот доходила выручка. Красота!

Сейчас татарин предполагал, что успеют они с Горемыкой доползти до Тетищево к вечеру, а там – расположатся лагерем на центральной площади. Сегодня представление обустроить Искандер не планировал, сил уже не оставалось, но, может, кто из хороших людей чем и порадуется заранее в этом Тетищеве, как знать.

– Что, животная проклятая, тоже небось устало? Лапищи-то вон свои как волочишь по обочине каменистой, языком так и полощешь по ветру... Ничего, ничего, терпи, друг милый, скоро уже прибудем в населённый пункт, а там, если Аллаху будет угодно, и кров найдётся... Что думаешь, а, ирод бесчестный? Как заночуем?

– Заночуем, хозяин, – отвечивал тяжело, с отдышкой, поводя и взбрыкивая потной головой единорог, блестя в вечернем, плавно укатывающемся за горизонт солнце, рогом.

– С тобой заночуешь, брат. Животная ты хоть и говорящая, но совсем бестолковая... Опасаются тебя обыватели, гутарят, что генно-модифицированный продукт высокотехнологичных наук, обзывают Джобсом. А какой же ты нахер, между нами говоря, Джобс, когда ты из пробирки народился в институте Боборуйко? Кому расскажи про это Боборуйко, засмеют ещё чего доброго, тоже мне, единорог...

Горемыка испуганно и тревожно всхрапывал при одном упоминании Боборуйко, поскольку в его голове, конечно же, сохранялись все моменты печально прожитых в лаборатории годин. Неприятно было мыслями возвращаться к ним, тяжело.

– Хозяин злой, – отвечивал генно-модифицированный продукт из пробирки, горько вздыхая.

В таких вот примерно диалогах коротали дорожное время друзья, подходя к Тетищеву.

Которое уже вставало в полной своей определённости из вечерней летней гари и дымки. Раскидывались перед ними громады бесчисленных гипермаркетов и торговых площадей с дилерскими центрами авто-сетей, возникали из ниоткуда рекламные щиты с улыбающимися хохлушками и очертаниями Крыма, который был всё ещё не наш, а их. Перемежалось это добро гигантскими бессмысленными тушами промышленных зон, которые давно уже бездействовали, хотя кое-где и теплилась тут арендная жизнь. Возникали, наконец, первые жилые контуры: частный сектор, затем однообразные районы хрущёб, потом – облупленных сталинок, явно намекающих на то, что центр близко.

И вот, горделиво разливаясь в мегафон о завтрашнем будущем представлении на майданчике, вступают Искандер с Горемыкой на главную улицу, распугивая необычными своими фигурами стайки бродячих собак и местных, брызгающих по сторонам, девиц.

Важно шествуют они к центральной площади, где среди бетонных фонтанов со струями вверх возвышается монументальная фигура Тараса Шевченко. И тут же, в сторонке, трепещет жёлто-голубым прапором героический мемориал в честь погибших когда-то Героев Небесной сотни – люди помнят, что заметно по свежим цветам.

Присаживается отдохнуть татарин, дав испить своему другу не очень чистой воды из фонтана. Поглядывает по сторонам, примеривается – что к чему в этом Тетищеве есть примечательного. Ничего, впрочем, не было, – сплошная провинциальная серость и откровенная пропылённая дрянь с шумно затихающим на вечер базарчиком за памятником великого поэта.

Но только разве ж дадут спокойно посидеть человеку с дороги в этом самом Тетищеве? Тут же вырастает неподалёку из ниоткуда строгий, американского вида полицейский бобик. Да вот только вылазят оттуда вовсе не шерифы в ковбойских шляпах со звёздами в полгруды, а самые настоящие наши, украинские менты. Один – жирный потеющий карапуз, второй – длинный, сухой, жердьё небеса подпирющий детина.

Оба, конечно же, с ленивой деловитостью подползают к Искандеру, козыряют под фуражку:

– Здоровеньки булы, хромадянин. Вы звидки и с якою метою к нам изволили прибыть? Искандер тяжело вздыхает и косит взглядом на нагрудный значок карапуза:

– Ну, чего вам от меня нужно, пане полицаи? Я как будто вам сепаратист какой-то. Путешественник я, изучаю пути-дороги и города. Людей радую к тому же – единорогом вон своим. Приходите завтра на майданчик, будет шоу, вам даже места в первых рядах организую, как важным членам справедливого и социального общества.

Полицаи тут непреклонны:

– Шо нам твоё шоу? Ты удостоверение образины своей предоставь, там и побалакаем. Або ты не хромадянин Украины?

– Громадянин-то я громадянин, но только громадянин мира, в целом, так сказать... Нету паспорта, потерял. И что с того, расстреляете теперь?

Тут жердь схватывается рукой за затылок, кислит лицо своё лимоном и огорчённо цокает:

– Ну, раз паспорта нема, значить есть два альтернативных вариантов... Один поганый, другой – взаимовыгодный...

Татарин снова тяжело вздыхает, прихлопывает себя по брючине.

– Сколько?

Карапуз цыркает зубом, улыбается и азартно подмигивает своему товарищу:

– Допустим... эээ... триста? Пойдёт?

– Не, не пойдёт, – тоскливо Искандер. – Давай двести?

– А давай, – неожиданно легко и просто соглашаются в унисон полицаи.

Искандер присвистывает в сторону тусующего поодаль Горемыки, и тот печально приближается. Порывшись в складках цветастой попоны, татарин достаёт тощий кошелек и вытаскивает из него пару бумажек.

Эти самые бумажки тут же растворяются в широкой карманине карапуза, а жердь широко, притворно зевает, делая вид, что полностью отсутствует при сцене.

– Педерастам бой, – с глубокомысленным видом отвечает Горемыка, подёргивая рогом.

Тут же вскидывается карапуз, посурьезнев лицом:

– Так, а шо це таке? Дуже дивна тварина, я такив не бачив ещѐ... И також без паспорта небось?

Тут уж Искандер не выдерживает, вскипает спичкой мгновенной:

– Очнись, нелюдь. Это чудо лабораторное, гибрид, между прочим. Лошадина разумная, всё понимает. Так какой тебе на него ещё паспорт нужен-то?

Полицай усердно сиропит брови, но видно, что запал уж его прошёл, ему просто скучно становится.

– Но-но-но, ты тут давай без супротивления... Шоу мени не трѐба твоего. Це лохам впихуй про разум. Вы свободны, хромадяне, бильше не затримуем.

И уже чуть отойдя, карапуз всё же снова разворачивается к Искандеру:

– А меж иншим така история... Просто хочу попередить, це до всякого доводим, особливо до мандривников. Тут у нас повадилась по району конармия гонять... Лютовают бувае, но до ногтя прижать не можемо, у них полномочия. С печатью от губернатора значить, под владой они. Злые люди, будьте аккуратне шо ли...

Покрутил Искандер головой, взглянул на Горемыку, да и взял под уздцы. Теперь их путь лежит по рядам затухающего базарчика в направлении кафе-шантана, раскинувшего свои шатровые оболонь-сети чуть-чуть в сторонке, под листвой сквера.

Важно шествует единорог мимо крикливых, утопающих телесными массами в потных майках баб. Идёт и пятит на всяческие запахи блестящий кожаный пяточок носа – к душистой сдобе воодушевляясь, от гниlostной тухлятинки брезгливо морщась.

Искандер успевае даже диалог завязать, парой слов перекинуться кое с кем из торговок. Нужно ведь себя с Горемыкой положительно зарекомендовать перед выступлением, напиарить

будущее шоу с толком. Это Искандер уже умеет блестяще, поскольку за спиной десятки подобного рода предуготовлений.

Однако же, добираются героические путники и до кафе-шантана, владельцем которого значится внушительный с виду, сверкающий под чубом лысиной Остап.

– Здоровеньки булы, храждане гости, – улыбается Остап во всё своё роскошное белозубье. – Чого изволите? Пивца? Закуски с дороги? Только коня ко мне нельзя, пускай за оградой стоит тут.

– Сам ты конь, – мгновенно обижается Горемыка и демонстративно портит воздух в сторону Остапа.

Усевшийся за столик Искандер тем не менее благодушно грозит пальцем единорогу и примирительно отвечает:

– Отчего ж не побаловаться-то пивцом, неси, бармен. И шашлыков давай, так и быть, с зеленью. А другу моему четырёхпалому тащи пирога и молока. Ну или пиццы. Порумяней там...

Пока Остап копошится в глубине своих владений, гремя сковородами, звеня посудой и матерно поругивая какую-то Оксанку, Искандер важно осматривается. Кафе-шантан в вечерний час уже опустел, только в дальнем углу сидит гражданин с пейсами и в кипе, что-то наступивая по клавиатуре квантовой раскладки. Занятой человек, сразу видно, – еврей.

– Ночлег искать, хозяин, – нудит из-за деревянной перегородки Горемыка.

А напротив того еврея девчушка маленькая восседает, чернявая, вёрткая, в юбке до пят, но с длинной косой. В руках у явной дочки кукла какая-то, а играть с ней ей наскучило, и она изводит отца дурачками, мешающими его деятельности вопросами.

Между тем вернувшийся к столику с подносом Остап демонстрирует чудеса цирковой виртуозности, расставляя еду и пиво так, будто это его личный бенефис.

– Кушайте на здоровье. И коню вашему пицца пусть будет в приёмный, только животных ко мне в кафе нельзя. Санинспекция не позволяет.

Отпустив жестом руки Остапа восвояси, Искандер яростно вгрызается в шашлыки, мощно заливая их пивной жидкостью. Притом не забывает и об единороге, перекидывая ему через ограду хрупкие кусочки местной пиццы.

В процессе поглощения Искандер почти упускает тот момент, когда напротив него за столиком вдруг образуется еврей с дочкой. А увидев их, внезапно полёхивается, и во спасение одолевает до конца пузатую пивную кружку.

– Здравствуйте, гражданин с единорогом. Очень рад приветствовать вас в наших краях, позвольте представиться, таки меня зовут Соломон. Или друг для друга просто Шломо. Мы ведь станем с вами друзьями, не так ли? Ну пожалуйста, мне очень нужно...

Искандер смотрит подозрительно, косится в сторону Остапа, подзывая его пустой кружкой с намёком на повторение напитка.

– Я хоть и с единорогом, но дел с вами иметь не хочу в принципе. Не то, чтобы я какой-то там антисемит... Просто у нас разные с вами дороги, это мне очевидно.

Шломо загадочно и задушевно улыбается, продолжая свою нить повествования:

– А это дочка моей сестры, – Мира, Мирочка. Очень славная девочка, поверьте мне, таких ребёнок просто не существует. Ах, вы бы видели какие она узоры вышивает...

Искандер почти решается пресечь дальнейшее знакомство, но что-то такое внутреннее, его, кажется, мягкая интеллигентность, распоряжается ситуацией по-своему. И он натурально умолкает, ожидая второй порции пива.

Шломо времени между тем не теряет.

– Я, собственно, вот по какому вопросу хотел с вами познакомиться. Мы с Мирой влипли в затруднительное положение, решительно не умеем уехать из Тетищево в моё родное Староголово. У меня там, видите ли, кое-какой фермерский бизнес организован, да и живу там.

А Миру мне передала на временное сохранение её тётушка, моя сестра, Софочка, поскольку сама с мужем уехала на працювки в Поланд.

Остап, наконец, бухает по столику пивом перед Искандером, ввергая его на секунду в дрожь от неожиданности своего появления.

– Всё это хорошо и интересно, пан Шломо, только каким боком к твоей истории я с Горемыкой? Говорю же, у нас свой, параллельный путь, у нас завтра шоу в конце концов. Приходи, кстати, посмотреть, билет всего-то... сорок гривен.

Но когда еврея такими отвлекающими манёврами сбить с толку можно было? Посматривая на Миру, которая тянется радостными ручками в сторону всхрапывающей морды Горемыки, он упрямо гнёт свою линию:

– Шоу – это хорошо и нужно, особенно полезно для такой откровенной географической дыры, как Тетищево. Кто ж спорит? Однако, и вы вникнете в мою ситуацию. А она такова – вызываю я беспилотное такси, чтобы ехать с Мирой обратно, в Староголубово. А оно, представьте, образует прайс в пятьсот гривен, вот прямо на экране этой раскладки такие ужасные цифры... Вы можете себе это безобразие вообразить? Тут езды какой-то полчаса по просёлочной дороге, и за это удовольствие с меня и Миры – пятьсот гривен? Да я скорее пешком дойду, чем буду согласовывать такой прайс.

Искандер пьёт пиво, теперь уже неспешно, поскольку жажда улетучилась. Мира кормит Горемыку остатками пиццы, а Шломо не отстывает:

– И вот, увидев вас, такого красивого, благородного, с не менее элегантным единорожкой в спутниках, я и подумал – вот это мой спаситель на завтрашний день. Я бы сказал даже Моисей, если бы не настолько сильно уважал книжную религию моих предков. И не подумайте, что я совершенно бесплатно хочу использовать вас в качестве транспортного средства для Мирочки. Но ведь и прайс у вас будет совсем не пятьсот гривен, не так ли? Поймите меня правильно, Мира такой ещё ребёнок, пешком ходить в далёкий путь ей болезненно. А это, понимаете, дети, это головная боль, и сплошное нытьё от физических неудобств. Тогда как ваш единорожка мог бы здорово облегчить детские страдания, чтобы ни одна слезинка...

Сурово грохает об стол пустой уже почти кружкой Искандер и мрачно смотрит на лебезящего Шломо.

– Сто гривен. И деньги вперёд.

Шломо мило, обаятельно улыбается:

– Помилуйте, ну шо вы как будто неродной? Пятьдесят гривен, и то, только из уважения как к другу и партнёру по путешествию...

Неожиданно мощно икнувший Искандер багровеет от напряжения, пучит глаза на Шломо.

– Торговля, значит, началась? Давай сразу сосчитаемся на семьдесят пять, а ниже ни на гривну не уступлю, вот как хошь, Аллах мне свидетель.

Теперь настала очередь жевать и мучительно раздумывать Шломо. Но он всё же соглашается и тянет руку навстречу искандеровой руке.

– Сдешевил, – хрипит легонько Горемыка, вытягивающий голову свою из тьмы внезапно опустившейся за кафе-шантаном украинской ночи.

А Шломо уже уводит тему в сторону ночлега, сообщая информацию о том, что заночевать все могут в подсобке у Остапа, о чём он заранее с барменом договорился. Единственное, что придётся и тут подмазать... Но что поделывать, иного варианта на сегодня у Искандера с Горемыкой нет, да и Остап уже почти совсем свой, родной человек в этом маленьком, затерянном в безграничной вселенной местечке.

Конармия

Странная процессия выступает из Тетищево ранним воскресным утром в момент, когда разогнавшееся от горизонта солнце расталкивает в небесной лазури кучки безмятежных облаков.

Впереди степенно цокает копытцами тощий единорог, с девчушкой на крупе, позади шествуют два джентльмена. И все уже заранее утомлены, пресыщены будущим переходом, хотя не сделали ещё пары километров по петляющей в рытвинах подсохшей дорожной грязи.

– Говорю тебе, Искандер, к вечеру уже будем на месте, и Мойра, моя ненаглядная, таки угостит вас с Горемышкой примечательным кугелем, выставит к столу наваристый кнейдлах, а на десерт у нас всегда имеется рассыпчатый земеллах. Искандер, вот ты кушал когда-нибудь настоящий земеллах?

– Не разбираюсь я во всей этой вашей гастрономии. Только ты мне нос не крути, Шломо, поскольку вчера ты увещевал в том, что добираться до Староголубово примерно с полчаса. И я, как видишь, помогаю в ущерб себе, отменяю шоу, а это минимум пятьсот гривен выручки...

– Ай, Искандер, ну чому ты такой меркантильный? Забудь о гривенах своих хоть на минутку и подумай о нашей маленькой Мире. Ей ведь всего шесть годин, и длинные путешествия на расстояния пешком она совсем не выдерживает. И потом, когда я говорил про полчаса, имелось в виду транспортное средство. А твой Горемыка – он шо, разве машина?

Искандер протирает платочком лысину под приподнятой бейсболкой, вертит головой.

– Ты животное это не трогай. Оно в моей собственности три года как уже обитает, и работает как часы. Лучше всякой машины ползает по дорогам, между прочим. Но только ведь и кормить его приходится. А что корму с семидесяти пяти гривен? На один ужин, положим, если у Остапа в его кафе-шантане.

У Миры с Горемышкой впереди свои разговоры. Девочка, придерживая в руке растрёпанную куклу, другой ладошкой треплет единорога за непоседливое ухо.

– Горемыка-горемычка, а зачем тебе такие большие уши? Единорожка, а кто тебя научил разговаривать? А почему ты так медленно ходишь, надо быстрее, а то под солнышком жарко...

– Дети – беда. Одни хлопота, – отвечает на это Горемыка, подёргивая головой.

– Мама рассказывала, что говорящие животные опасны, потому что замышляют против человека заговор... Горемычка, ты замышляешь, да?

– Да, особенно сейчас, – грустно отвечает единорог, перебирая копытами по грязи.

Так они и шли, шли, шли, пока, наконец, беснующиеся по небу облака, не воссоединились в одну большую, свинцовую, угрожающую дождём тучу, которая в какой-то момент поглотила солнце, отправив в застывшую околосемную духоту порыв яростного ветра. Тут же вдали тихо, урчаще загромыхало, повторился стлавший вокруг кустарники и травы ветродуй.

– В укрытие пора, Искандер, сейчас ливанёт, – справедливо отметил Шломо, придерживая рукой кипу.

– Вон укрытие, – кивнул татарин на дальнее, разлапистое и громадное дерево, как-то выделявшееся в степной равнине между своих собратьев.

Туда путешественники и повернули. Едва спрятались под обширной кроной гигантского вяза, как стали шлёпать по листве первые крупные капли, а гром уже всю сотрясал атмосферу над ними. Потемнело, и мимо шмыгнул какой-то хорёк, испуганно шмякнувшийся в высокую траву кустарника.

Путники между тем расположились плотным лагерем вокруг древесного ствола. Расселись, прилепились спинами к шершавой коре, мягко свалился в траву и единорог. Тут же Искандер раскупорил поношенный свою рюкзачище, а Шломо полез в котомку.

И пока вокруг яростно хлестала дождевая стихия под свирепый громовый скандал, они обедали. Достали лепёшки, колбасу варёную, яички вкрутую, сыр, помидоры с огурцами и луком, вытащили бутылку вина и принялись за дело. Горемыка жевал припасённую у Остапа пищу, запивая налитой в мисочку минералкой. А Мира просто хрумкала печенье и конфеты.

– Искандер, ты чому пьёшь вино? Вам пророк запретил...

Посмурнел Искандер, отпивая из стаканчика:

– Ну чего ты пристал, еврей? Я такой вот, я пью. Пускай харам, пускай нарушаю, но что поделывать? Я грешен. А кто не грешен?

Кивает согласно Шломо.

– А я шо? Я ж не обвиняю, пей, веселись, если тяга имеется. Главное, – не увлекаясь. Ты любишь увлекаться вином, Искандер?

– Мне увлекаться некогда и никак нельзя. У меня Горемыка на попечении. Если мне начать увлекаться, то кто же будет делать шоу и зарабатывать гроши?

Кивает в согласии головой Шломо:

– Верно говоришь. Гроши работать надо, а повеселиться успеем. Смотрите-ка, радуга...

Вверху, в просветах постепенно расчищавшегося от туч и дождя неба, действительно пырнула слабенькая поначалу, но мгновенно укрепившаяся радуга. Раскинулась ярким коромыслом от дальнего горизонта до леска, видневшегося вдаль, с другой стороны поля.

Вскинулась с криком «Уррраааа» Мира, всхрапнул радостно Горемыка, да и Искандер со Шломо заулыбались, любуясь красотой. Всё дышало сейчас, после быстрого летнего ливня, каким-то будоражившим, окрылявшим свежестью обновлением, и раскинувшаяся по небу радуга была тем самым его символом, который обещал только хорошую, наполненную счастьем жизнь...

Но внезапно, из чащи этого самого леска выдвинулась какая-то чёрная точка. А за ней ещё одна, и ещё, и ещё-ещё, много точек. Двигались они лихо, увеличиваясь в размерах, – уже можно было понять, что это вполне себе приличные махины автомобилей – всё одинаковые, как на подбор.

Шломо внезапно ойкнул и как-то странно засуетился, скидывая остатки припасов в котомку.

Искандер, подозрительно его оглядев, спросил:

– Это что значит, еврей?

– Конармия, Искан. Бич нашего региона, едут то ли на охоту, то ли уже обратно, не разберёшь. Мирочка, а ну иди сюда, робёнок...

– Почему же конармия?

Привскочивший на ноги Шломо метнулся к девчужке, ответив со спины:

– А то сам не видишь на чём едут – Chevrolet Cone, и хоть бы одна другая затесалась у них...

Автомобили увеличились в размерах уж настолько, что стали похожими на мощные, бронированной серии внедорожные танки. Выступавшие, между прочим, прямо в их сторону, словно специально нацелившись смять вместе со старым вязом.

Искандер в удивлении приподнял бейсболку:

– Однако, кто они? Кто ездит в таких уродливых бронепоездах осмысленно?

Шломо, сплюснув испуганно Миру к дереву, как будто замыслив спрятать её в нём, отвечал в тоске:

– Это из партии национал-освободителей, УРДА. Урдаки иным словом. Защита вольной степи козацкой, да только они же и разор добрым людям, особенно нам, семитам...

– Ну и ну, – только и присвистнул Искандер.

А уже мимо неслась, громяхая музыкальными басами изнутри, головная махина урдаков. Окна автомобиля шерились приспущенными стёклами-бойницами, из которых выглядывали

пушки, над покатою крышей трепыхались прапора с солярно-орнаментальными символами. И было во всём этом особое, inferнальное чувство какой-то запредельной правоты, которую излучала собой каждый из внушительно двигавшихся шевролетов.

Что удивительно, но вся урда всё же проскальзывала мимо вяза, под сенью которого перетаптывались четверо случайных путников. Видимо, для национально-освободительных сил Украины интереса они не представляли, и даже освободить их от наличности грозным козакам было просто-напросто лень, хотя, казалось бы, – выйди да распотроши как куропа-ток... Но нет, шли мимо размеренно, громыхая музыкой и ревя моторами, твёрдо переваливаясь на колёсах по рытвинам едва различимой тропы.

Провожал последнюю машину конармии Искандер недобрым взглядом, как бы предчувствуя будущую встречу уже лицом к лицу. Играл желваками, куксился, поигрывая внезапно превратившимися в кулаки ручищами. И только тогда начал успокаиваться, когда последний танк скрылся за горизонтом.

Оглядевшись, увидел он скорбную картину – и Миру, притихшую под руками еврея, и напуганного, всхрапывающего единорога. Конармия прошла, а неприятный осадок осел в душах...

– А что притихли-то? Ну, подумаешь, бандиты проехали, что мы не видели таковых что ли? Как приехали, так, стало быть, и проехали, урда, одним словом, пронеслась мимо, и поминай как звали. Пора и нам в путь, а, Шломо?

Закивал, распрямляясь, еврей, завздыхал с облегчением, поправляя котомку на плечах:

– И то правда, дело уж на вечер, а идти ещё не близко... Тогда, вперед шо ли, друзья?

Ободрившись кое-как, собравшись решительно и быстро, все снова бросились вперёд таким же порядком – Искандер со Шломо во главе, а Мира на Горемыке чуть погодя...

Уговор

Добрались до Староголубово действительно под вечер, когда солнце совсем упорхнуло за край света, и сумерки начали подпевать сверчками, а болотистая округа – зарекотала жабьими мелодичными всхлюпами.

Само по себе селение интереса для обступающего кругом мира не представляло абсолютно. Обычные, забытые богом и временем выбеленные хаты, выкрашенные краской заборчики с открытыми и по ночам воротцами, старинные модели авто, кое-где телеги с набросанной соломой. Вот и вся тебе деревня, душ на пятьдесят крестьянствующих, часть из которых вроде как даже не работала толком нигде-никак.

Особняком выделялся двухэтажный домик Шломо. Еврей по местным меркам считался коммерсантом. Ну а как не коммерсант, если организовал в этой сельской дыре настоящую ферму по производству овощей и всяческого мяса – предприятие, которое, между прочим, использовало новейшие технологические наработки с Запада. Это же хозяйство приохотило к труду местное население: кто грядками приходил заниматься, кто за курицами ухаживал, кто коровёшек доил. Был, разумеется, и свой мясоруб, должностью хоть не гордящийся, но оправдывающей её в русле того, что кому-то ж надо орудовать на ферме с топором и ножом.

Хозяйство у еврея было организовано грамотно, со сбытом в разных городах области, – мода на эко-продукты не отступала. А раз так, то и прибыль была сносная, жить позволяла и Шломо с его Мойрой, помогала также кормить какими-никакими зарплатами местных. Машину вот только не покупал он сознательно, боясь езды памятно в связи с трагедией, давно уже унёсшей жизнь его дочери... А продукцию реализовывал за счёт транспорта самих городских покупателей.

Встречавшая во дворе шломовского особняка Мойра гостей на ночь глядя явно не ожидала. Но не растерялась особо: зная характер мужа, догадывалась, – абы кому свой кров он бы не предложил.

– Это что же за нечисть такая с рогом ещё? – только и вскинула удивлённо рукой на Горемыку.

– Тётя Мойра, это Горемычка, он говорящий, умеет считать и занудствовать, прямо как мама, – скатилась Мира в объятия к Мойре.

Искандер степенно постаивал в сторонке, ожидая знакомства с женой Соломона. И оно таки состоялось, – короткое, без особых эмоций, но и тут насыщенное неким подобием драмы. Так показалось во всяком случае Искандеру, ощутившему на себе юркнувший недоверчиво взгляд хозяйки.

Горемыку препроводили в хлев, где он был встречен густым конским ржанием (на что сам единорог отвечал вполне человеческим и осмысленным матерком), а Искандера пригласили в дом.

После того как расположился вещами он в чердачной мансарде, едва осмотрелся, умылся с дороги, уже был вызываем хозяевами вниз, в гостиную, на ужин.

Шломо и правда не обманул, стол был богато накрыт всякими национальными еврейскими кушаньями, о существовании которых Искандер ранее даже не подозревал.

– Садись, садись, пора бы перекусить по чести, весь день питались чем попало, а Мойра моя в кухмейстерстве искусница, это есть такое, – увещевал Шломо, суетливо подвигая по скатерти тарелочки, чашечки, судёнышки, блюда со всякой мудрёной снедью.

Кушали неспешно, переговариваясь, присматриваясь друг к другу, определяя у кого что на уме притаилось. Искандер после пары бокалов вкуснейшего вина подтаял, да и начал рассказывать о своих путешествиях по Украине с Горемыкой. Рассказывал хорошо, насыщенно,

приправляя где надо мудрёных или перчёных слов так, что уж и Мойра раскраснелась, вспотела от удовольствия, проникнувшись к татарину неким подобием симпатии.

После обильного ужина Шломо пригласил гостя на крылечко выкурить трубочку. Засели на ступеньках, прямо под раскинувшимся над головой куполом необъятно-звёздной южной ночи. Вокруг то тут, то там обозначалась различными звуками какая-то живность, а Искандер с Соломоном распространяли между собой важный разговор.

– Имею заметить, Искан, шо у меня хозяйство добротное. Скромное, небогатое, но добротное, грех жаловаться, спасибо создателю. Всё есть, всё, молочко сытное, яички отборные, фрукты-овощи вовремя собираем, мясо – лучшего мяса прямо до Одессы ты никак не встретишь, спроси на Привозе, все тебе скажут, шо надо брать у Шломо. И я рад, определённо счастлив в иные моменты такого существования жизни, ты можешь мне не поверить, но это теорема.

– Доказанная, однако, – поддакивал Искандер и лениво сплёвывал на землю.

– А вот чога мне сейчас не совсем хватает, так это рабочих рук на ферме. Мыколу выгнал в прошлом месяце, но ведь и было за шо, пьянствовал падла. С утра наливался самогонкой и толку от этого Мыколы уже ноль. Пьют у нас здесь, ты не поверишь, а зачем, когда вокруг такая красивая природа?

– Натура у человека в этом – пить. И ругаться, – философствовал в ответ Искандер, выпуская в ночь колечки дыма.

– Вот и я говорю, если бы не алкоголь, – Шломо в этом слове смешно упирал на первую букву «а», – то у нас бы ферма приносила доходу в два раза больше супротив того, шо имеется. И вот как мне эту прибыль таки организовать, не скажешь?

– Не скажу, не знаю. Я путешественник и шоумен, а не бизнесмен, что ты от меня хочешь, Шломо?

После короткой паузы еврей отвечал:

– А хочу я шо бы ты пошёл работать ко мне на ферму. Подумай сам, – место хорошее, обустроишься жить на мансарде, кормить моя Мойра будет от пуза, а ведь ещё и зарплату тебе положим хорошую. Таковую, шо вот прямо пятнадцать тысяч гривен в месяц. А? Каково? Единорога твоего приспособим для шоу в деревне, и это будет отдельная песня, ребятишки только обрадуются. Ну шо, Искандер? Думай быстрее, пока мы курим эти чудные трубки, второго такого предложения я никому не делаю.

Искандер и правда задумался. Рассчитывал всё очень веско про себя, расставляя приоритет «за» и «против», сооружая аргументы для того, чтобы вежливо отказаться. Но кажется, что отказываться-то особо не нужно – предложение играло заманчиво во всех комфортных и денежных параметрах.

– Так это... А чего делать-то надо у тебя тут? – предпринял всё же попытку прощупывания татарин.

– Ай, да шо тут делать. Чинить всякое, в амбаре крыша подтекает вон, красить, гвозди вбивать, доски стругать. Положим организовывать новую теплицу я стекольщика позову, но ведь и ему подсобить нужно будет. Такое вот, работа на самое вспомогательное, но так шобы с качеством и без пьянки ежедневной. Ну или выпить вина вечером разве шо, но так шобы совсем немножко, без фанатизма... Ну шо ты там, решаешь уже?

И ещё посидел-подумал Искандер, но видно – проформы ради, внутренне он согласился, что видно по его бесхитрому лицу было.

Протянул наконец ладонь в сторону Шломо, и тот горячо хлопнулся об неё своей ладонью.

– Только с одним условием, Соломон, чтобы и Горемыка мой обижен в твоём хозяйстве не был. Так он лошадь бесполезная, считать умеет немного, да и то, криво, но всё ж уже родной мне человек, обидеть нельзя никак...

На радостях еврей приобнял татарина:

– Об чём диалог, дорогой Искан, будет твой Горемыка как царь на троне, знай только просыпайся, кушай да в туалет сходить не забывай...

На том и порешили в этих уютных, в призрачной прозрачности тёмных украинских сумерках двое приятных с виду и в общении мужчин. А вокруг всё так же продолжали свои концерты сверчки, и в отдалении допевала песню малиновка, а фоном глухо влаивала чья-то соседская собака – деревня уходила на ночь.

Летние дни

Так оно, собственно, всё и повелось. И стоит рассмотреть – как именно конкретно, вот прямо взять один из этих староголубовских дней.

К примеру, 30-го июня. Искандер вскакивает рано, по звонку даже не с телефона, а разбуженный запроваженной на определённое время в старинные ходики кукушкой. Широко зевает, тянется, глядит из окошка мансардочки во дворик, где уже всюду орудует солнышко – хороша жизнь, ободряющая.

Не мечтая о лишнем, прыгает татарин с гигиеническими принадлежностями по лесенке вниз и, хлопнув дверью дома, – к умывальне рысью. Ополоснуть лицо, когда и тело разом холодной водой умыть, зубы почистить, побриться, всё это нужное дело. Далее, обтеревшись насухо полотенцем, спешит на кухню, где уже степенно приветствует хозяев.

Однако, прежде чем сесть к завтраку, должен исполнить Искандер немаловажное дело. А именно: прихватив подготовленную Мойрой посудину с кашей и отдельно расфасованными горкой на тарелке пирогами, – заглянуть к Горемыке. Тот уже давно не спит, – радостно поджидает, всхрапывая и поматывая радужной своей мордой.

– С добрым утром и привет, – церемонно обмениваются они нехитрым ритуалом приятных пожеланий, а Искандер даже в порыве чувства чмокает единорога во влажный нос.

Пообщавшись таким макаром с «чудой природы», возвращается татарин к еврею с его женой, садится за подготовленный к трапезе стол. Говорят, как правило, ни о чём особом, обсуждают неважное, а вместе с тем и важное – строят рабочие планы, прикидывают необходимые в ближайшее время материалы и инструменты. Советуются, в общем, по всяким вопросам. Иной раз, между прочим, добродушно ругаются друг с другом.

Но в этот прекрасный день какой смысл ругаться? Нет, сегодня всё весело, по-семейному, так, как оно и принято в среде полюбившихся друг другу людей.

Уже после, хлюпая по земле штанинами брезентовой робы, Искандер с ящичком инструментов отправляется по делам. На участке у Шломо требуется сегодня наладить поливочную немецкую машину, раскинувшую свои коварные сети по грядкам на многие метры пространства. И он, напевая что-то пиратско-бравурное, поминутно заглядывая в бумажку с инструкцией, охотно начинает священнодействовать. Отвёрточкой покрутить, плашку снять, покопаться внутри, каких-то деталек из запасных заводских поднапихать, вот считай дело и готово. Уже кричит в сторону маячившей неподалёку Мойры татарин:

– Эгей, хозяйюшка, а ну рубай тот краник, сейчас как тресканет.

И действительно, трескало со всех поливочных орудий так, будто залпом козаки вдаривали со своих рушниц по тёмной орде очередного супостата Гирея какого-нибудь или польского королевича в давние времена. Хорошо водица идёт, и Мойра уже крутится вокруг расады с тяпкой, подрывая целые каналы с водохранилищами.

Довольный сотворённым Искандер минут на пять позволяет себе рассиропиться в беседке под виноградом, с налитым в кружку лимонадом, – крикая от удовольствия, одобритительно наблюдает за беснующейся на грядках еврейской женщиной.

Но не время расслабляться, пора бы приладить пару отколовшихся камушков из приступки на заднем дворе усадьбы. Приступка та служит основанием под лестничку, ведущую в курятню. И близорукий Шломо уже не раз промахивался башмаком мимо, аккуратно выскальзывая ногой из-за двери в тот момент, когда выносил с десяток собранных яиц.

А значит, замешивает татарин в оцинкованной бадейке смесь песка, щебня, цемента и воды в нужной пропорции, месит увлечённо и отставляет в сторонку. Пока всё густеет и приобретает необходимую форму, грызёт он яблоко, наблюдая за тем, как пара птиц роется в грязи поблизости. Ну а затем уж, виртуозно орудуя мастерком, принимается за работу.

Так, за всем этим неспешным и нехитрым бытом, часы подбираются к обеду. Возвращается с основной своей фермы Шломо, разогревает всякие блюда Мойра и носится-резвится вокруг Мира, прибежавшая зачем-то от подруги на обед (хотя обычно её до вечера дома не видать).

Кушает семейство на открытой веранде, прячась от зноя за тюлевыми занавесками. И опять же тихо-мирно беседуют о своём, предполагая планы уже на вечер, рассказывая между делом интересные истории.

В послеполуденный час Искандер от суеты по шломовскому двору на сегодня свободен, но это не значит, что настала пора активного бездействия. Такой ленью он маяться не привык, потому, открыв ворота, важно выступает навстречу сельским приключениям.

Дел же у него, по совести, в Староголубово много, поскольку полюбился татарин местному населению всеогромнейше. Ведь и не мог не полюбиться, с его-то золотыми руками, которыми природа щедро одарила.

А чем он только в деревеньке не занимался. Там душевую кабинку отладить в свете полива, тут шкафчик в хате кому выправить, у Прасковьи Ивановны механизм микроволновки старинной починить, а у Андрей Петровича обмозговать устройство полочек в подполе, – везде и всюду успевал Искандер. И попевал радостно, с шуткой-прибауткой, как это он только один и умел.

Притом пытались наградить его сельчане местами чаркой самогона, но, памятуя наказ Шломо, отказывал татарин, приговаривая, что уж лучше б вкуснятиной какой угостили. Когда презентом, а когда и бумажкой гривенной невысокого номинала, но благодарили за помощь люди сердечно, от души, радуясь, что такого толкового мужика еврей в их край зазвал.

На сегодня намечает Искандер для себя поход к деду Григорию, давно зазывавшему его оценить, чем у него приболела газонокосилка. Модель её не новая, отработавшая года три уже, и вот теперь начавшая чихать и глохнуть спустя некоторое время после завода.

К процессу осмотра триммера подходит татарин основательно: сняв крышку с движка, углубляется во внутренности прибора с достойной опытного механика внимательностью. И копается с плоскогубцами под бурчание деда не так уж долго, выяснив скоро, что требуется замена свечи.

Григорий, с одной стороны, вроде и рад, что проблема объяснилась, а с другой – лишние хлопоты, ехать теперь в город запчасть присматривать... Но Искандера, конечно же, хвалит, ритуально предлагает тяпнуть горелки, а получив строгий отказ, суёт ему свёрток с чем-то непонятным. Отказывать в подарке пожилому человеку неудобно, и татарин, переправив свёрток в наплечную свою сумку, смущённо выбирается под дружескую дедову мову на сельскую улочку.

А тут уж дело, как ни крути, к вечеру совсем – под разнообразные деревенские звуки, шумы, говор людской садится ослабевшее солнце куда-то в красноту за дальним домиком вдовы Галки. Искандер, ошастливленный очередным днём, наполненный трудом и смыслом жизни, неспешно переступает в сторону еврейской усадьбы. Навстречу идут пастухи, с гонором марширует местная молодёжь с семечками, и все радостно, шутиливо с ним переговариваются, – вот так любят, проявляют симпатию к татарину сельские.

У шломовских ворот совсем ненароком встречается он с Горемыкой, вернувшимся откуда-то с полей. И улыбаются друг другу снисходительно, с загадочностью старых закадычных друзей, побывавших в разлуке всего-ничего.

А надо бы сказать, что единорог тоже в Староголубово совсем не скучает, занимается деятельно жизнью своей отдельно от родного семейства. Буквально, набрав в друзья местных ребяташек, пропадает почём зря на воле степной, ненасытной, вблизи деревеньки.

Чем они только не занимаются в беззаботном своём приволье. Катать детишек Горемыке в одно удовольствие, но этим они, конечно, не ограничиваются. Играют большой ватагой в

разные игры, изучая миры окружающих подлесков с прячущейся по кустам фауной. Потом – вовсю купаются в речушке-грязнушке, петляющей извилисто тут же, поблизости. И особенно яркой радугой переливается бока с разных горемычных сторон в моменты, когда он под детские вскрики вылезает, отфыркиваясь, на золотистый песок низкого берега и плюхается утомлённо оземь.

Поскольку разумом сам единорог как раз подходит под обыкновенного шести-семилетнего ребенка, то и диалоги между ними выстраиваются вполне себе на равных. Ребята постарше пробуют учить животное алфавиту и чтению, но, кажется, выходит это пока что не очень.

Настолько насыщенная жизнь у Горемыки, что, здорово уставший, он прибегает домой к вечеру, в голодном безумии готовый съесть и гиппопотама. Тут у них с Искандером повторяется ритуал окормления: тащит татарин обессилевшему единорогу из кухни очередные блюда всякого съедобного. А пока тот ужинает, заводит, между прочим, всегда диалог, с обсуждением их новой жизни и вечным вопросом – не скучно ли им тут? А может, – снова в путь-дорогу?

Горемыке отнюдь не скучно, о чём он честно и заверяет хозяина. Упокоенный такой информацией Искандер идёт, наконец, к виноградной беседке, где под китайским фонарём уже обустроила обширную свою вечернюю гастрономию Мойра.

И вот в накинувшихся на землю сумерках благолепствуют они странной семьёй своей с жужжащими вокруг комариками, ужинают неспешно, беседуя о чём-то фантастическом под чай с вареньем, а то и припивая вытащенное из шломовского подпола вино.

Сидит Искандер иной раз в беседке, млеет, и пальцами боится шевельнуть. Поскольку боится, – а ну вдруг сон всё это, волшебный, славный, но всё лишь сон?

Обидно было бы, правда, внезапно очнувшись где-нибудь на шоссе между Развозово и Мукомолово, потерять эту кремовую сказку в чудесном лете сбывшихся их с Горемыкой надежд...

Цирк на сельском майданчике

Горделиво выступает из ворот усадьбы Искандер, ведя за собой на узде нетерпеливого Горемыку. Улыбается во весь рот, поглядывая по сторонам, где уже собирается потиху праздничный староголубовский люд. Из-под ног мызгают восторженные ребятишки, а старики со старухами степенно кивают ото всюду с важной благожелательностью. На улице расцветает воскресенье, а значит праздник к нам приходит, всегда супер-клёво.

Оба сегодня разодеты ярчайше. Татарин втиснут в обычный по таким случаям свежайший костюм под фракком, на голове – настоящий цилиндр, украшенный зелёным клевером. Единорог как бы невзначай хвастается яркой попонкой на седалище, на макушке же у него красуется приспособленная чуть набок пурпурно-алая феска с бодрой кисточкой. В хвост вплетены фенечки, что на самом деле Горемыке нравится не очень, – по его мнению, уж это совсем эквивок в сторону олдого хиппарства.

По привычке, давно уже принятой, созывает Искандер сельский народ на майданчик, образованный тут перед начальственным будинком. Ровно в полдень, когда все желающие займут положенные места, начнётся представление.

В Староголубово, где развлечений с гулькин напёрсток, этого еженедельного шоу ожидают с нетерпением. Собирается народ, от мала до велика, хоть уже все привыкли к Горемыке с его необычными чудачествами. Главным делом интересуются коронным номером, который каждый раз за неделю Искандер придумывает заново, так чтобы не повторится. И всегда выходит удачно, без оваций и туго набитого гривнами цилиндра артистов не отпускали.

Но чем же порадует татарин людей сегодня, что они с единорогом задумали преподнести на этот раз? Волнуются, теряются в догадках староголубовцы, от нетерпения уж изнывают, потев круговой толпой на лобном месте.

И вот татарин торжественно, под бравурный марш из мини-гаджета вступает на сцену.

Искандер – прирождённый артист, и уж все эффектные трюки-приёмы давно выучил назубок, использует их машинально. Так, – ну не может он не раскланяться на все четыре стороны, выйдя в центр выделенного пространства на майданчике. Горемыка при этом старте всегда как бы остаётся немного сбоку, хотя именно он же живой гвоздь программы.

– Леди и джентльмены, дамы и господа, паны и панночки! Всемерно рад приветствовать неравнодушных на нынешнем празднике жизни. Специально под ваше удовольствие мы припасли с маэстро Горемычным несколько простейших фокусов. Простейших, да не простейших, смею отметить, что кое-что не всегда выполнит и взрослая особь человеческого пола. Хотя бы потому что у этой особи во лбу никакого чрезвычайного отростка не имеется...

Вибрирует интонацией, набирает постепенно интригу Искандер, прямо вычитывая в глазах окружающих этот жгучий до чуда интерес. И разжигает его речами ещё больше, доводя чуть ли не до оргазменной крайности простое человеческое желание видеть необычное.

На закуску в программе необычного был нынче такой номер. Из кармана фрака извлекается колода совершенно новеньких, ещё нераспечатанных карт, демонстрируется всем и каждому девственность крапа, чтоб без обмана.

Затем какой-нибудь приглашенный из толпы плотно прикрывает Горемыке глаза, а Искандер раздаёт кому ни попадя ряд карт.

И вот, раскланявшись гаером перед единорогом, приступает к нему татарин с каверзным вопросом:

– А ну, мессир, не изволите ли вы мне найти пикового валета?

Горемыка всхрапывает, встряхивается и неуверенно переступает с копытца на копытце, как будто раздумывая – куда ж податься? Начинает свой обход по кругу справа-налево, выискивая что-то, принохиваясь, вертя напряжённо хвостом.

А Искандер знай его подзуживает, шуткой вроде бы сбивая с толку, направляя на ложной след. Однако ж, Горемыку на мякине не проведёшь, и вот он уже внезапно останавливается, чуть покачивает мордой, прислушиваясь то ли к голосу свыше, то ли к пощёлкиванию со стороны хозяина, как явственно определяет:

– У Фёдора валет. У Фёдора.

Тут же вокруг спадает оцепенелое напряжение, слышится аханье-оханье, всклокоченный ропот и на передний план выпулывается пастух Фёдор. Который и сам как будто в удивлении вытаскивает из кармана перелатанного пиджака несчастный пиковый валет. Мгновенно весь майданчик покрывают восторженные аплодисменты с криками «браво», и цилиндр татарина совершает свой первый довольный круг.

Карточный номер повторяется ещё два раза, – ровно до момента, в котором Искандер чувствует, что пора с этим закругляться.

После очередного треска овец он руками показывает наступление тишины.

– Ну что ж, вот мы и разогрелись с мессиром, карты играть он любит, хотя дальше подкидного дурака ремесла не осилил. Но если уж играет, то с отменным покер-фейсом, поверьте мне, такую морду специально не смастерить. Теперь же, дорогие староголубчики и староголубушки, перейдём к чему-то более занимательному.

Под занимательным татарин на сегодня понимает циферные фокусы, – они уже давно освоили, к примеру, правила простейшего сложения и вычитания, хотя особой гордостью Искандер определял, конечно же, разученную таблицу умножения. Успехи в её освоении он и готов продемонстрировать.

– Горемыка у нас голова, вам ли об том не знать? Сложение чисел мы уже предъявляли, ну а сегодня номер посложнее. Дело в том, что единорожка очень ненасытный на знания оказался. До школы пока что рановато, но таблицу умножения этот ботаник усвоил сполна. Прошу же вас, дамы и господа, озадачьте маэстро...

И люди с радостью и удовольствием предлагают вопросы, связанные с простейшим умножением: отвечает, хоть и после невнятного раздумья, Горемыка на всё верно. Затем уж Искандер чуть усложняет испытание, и начинает предъявлять ему купюры и монетки из цилиндра. Прося перемножить, к примеру, пятёрку с тройкой. Или же – двойку с десяткой. Перебрав все простейшие денежные комбинации, приступил татарин, наконец, к самоглавному вопросу:

– Такая тема, Горемыка. Была у тебя десятка и ещё десятка, а сверх них пятёрка на руках. Запомнил? После нашествия в лавку Фомы Игнатъича, купил ты, скажем, два пирожка с капустой и бутылку лимонада. Сколько ж у тебя остается всего гривней?

Вопрос сложный, с подвохом, тут меню лавки знать надо (но с этим как раз у единорога никаких закавык). Он долго думает, прохаживаясь по майданчику, поводя рогом туда-сюда, оглядывая замерших в ожидании зрителей. Наконец, выдаёт вердикт:

– Шестнадцать. Как есть, шестнадцать, пирожки подорожали...

Вокруг тут же громыхает густой смех вперемешку с аплодисментами, слышится отчаянный крик Фомы Игнатъича:

– Врёшь, пёс, никогда не дорожали, как были по двугривенному, так и есть, хучь щас иди подавись капустой...

Но никто не слушает лавочника, все довольны и шуткой, и счётом, кидают монетки-банкноты ручейком в цилиндр.

А Искандер между тем снова организовывает пассы руками, призывая к спокойствию.

– Не только антиллектом своим славен Горемыка, умеет он и силушкой-ловкостью блеснуть. Не верите, чудные? Ну так мы вам всё сейчас продемонстрируем. Але-оп!

В его руках появляется коричневый по цвету мяч из баскетбола. Нужно отметить, что, вообще-то, майданчик в Староголубово был одновременно приспособлен и под игровую площадку. Помимо штакетин футбольных воротец, имелись по оконечностям два столба с коль-

цами, – детвора тут частенько устраивала спортивные баталии, к которым ввечеру, бывало, присоединялись и мужики.

Собственно, к баскетболу и приготавливает Горемыку татарин. Расцветив положенными торжественными речами будущее представление, он приказывает единорогу замереть. И легонько накидывает ему на рог мяч.

Это, разумеется, полное чудо, однако, Горемыка с удовольствием подхватывает кожаный шарик, удерживает в тончайшем балансе, и медленно-медленно семенит к кольцу. Ещё мгновение, и под раздирающие аплодисменты мяч трепыхается в обмылках сетки.

Повторив на бис трюк раза два-три, единорог внезапно широко позёвывает, демонстрируя тем самым унылую для себя простоту проделываемого спортивного финта. Тогда Искандер решительно велит ему занять позицию в паре метров от столба, и снова аккуратно накидывает мяч на рог. Теперь уж Горемыка не шествует, переступая осторожно копытцами, к столбу, а с лебединой грацией, на ловком пируэте отправляет в корзину мяч с расстояния.

И тут уже полный восторга зрительский гул с воодушевляющим свистом достигает апогея. «Трёхочковый», «Вот это загасил», «Джордан мазафака», «Уууу, зверюга, чёрт», – такие улюлюкания сопровождают успешный момент для Горемыки. А он скромно, но явно в довольствии, пряча в сторону улыбку, кланяется вокруг себя, переступая по майданчику.

Однако же, время подходит к коронному номеру. Все собравшиеся умолкают, выжидая начала главного циркового священнодействия. Искандер, улавливая настроение людей, не торопится, его вступительная речь растягивается минут на десять. Тут он вспоминает обо всём на свете, касаясь и звёздного неба над нами, и глубинных недр с алмазами, и широченно-необъятного чувства любви, – причины первобытного. Пафос речи в конечном счёте сводится к тому, что нет смысла и надобности искать всего во многом, когда абсолют может обрестись в чём-то одном.

–... И вы спросите меня – дорогой Искан, так в чём же? Где нам искать эту крупницу истины, которая лежит перед глазами и на поверхности? А я вам отвечу так – здесь, вот именно тут и нигде более зашита правда души.

Татарин гулко стучает себя по левой стороне грудины, щёлкает кнопочку на гаджете, и взмахивает дирижерской рукой к Горемыке. Под мощный звук разносящейся мелодии оба запевают разученное дома:

Ще не вмерла Украино, ни слава, ни воля.

Ще нам, браття украинци, усмехнется доля.

Згинуть наши вороженьки, як роса на сонцы,

Запануэм и ми, браття, у своей сторонцы.

И покажем, що ми, браття, козацького роду...

В момент подхватывают все гимн и тянут торжественно, выпевают, вытягиваясь ростом ввысь, облагораживая значение каждого слова. Особенно старается Горемыка, похаживающий туда-сюда, распаяясь своей радужной лошадиной фигуркой, подбадривая людей на патриотическое исполнение.

Так и заканчивается на этой высокой ноте нынешнее шоу, – публика одобрительно бравирует, подходит к героям сцены побрататься, суёт единорогу всякую вкуснятину. Искандер, приобнимая наполненный чуть ли не доверху цилиндр свой, светится от счастья, поскольку нигде более снисходительной и понимающей публики ранее ему не встречалось. Благодарит

всех и каждого, хохмит по поводу репетиционных неудач с Горемыкой, обещает на следующую неделю придумать чего позаковыристее... И с тем люд староголубовский постепенно исчезает.

Остаются артисты в окружении самых преданных, истинно влюблённых фанатов. Среди которых, между прочим, имеется и Галка-вдовушка.

Ох уж эта Галка Литовченко – женщина знатная, роскошная для своих тридцати пяти: статная, чернобровая, загоревшая под соломенными волосами украинка с выпиравшей из-под одежды налитой, мощной грудью. А глазища-то, мама миа, – там в этих безднах карих зеркал души творилась нечистая сила такой энергетики, что сдавался под чарами Галки любой слабой воли мужчина.

И чего ей нужно было от Искандера после представления? Поди пойми, но только караулила она татарина глазищами, чего-то всё расспрашивала, раскатисто и озорно посмеиваясь над его внезапной неловкостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.